Пока смерть не обручит нас

Автор:
Ульяна Соболева

Пока смерть не обручит нас

Ульяна Павловна Соболева

Клятва #1

Открыв глаза, я поняла, что кошмар начался не на заснеженной дороге, когда мы с бывшим мужем попали в аварию, а именно сейчас. Потому что очнулась в ином мире связанная, в железной клетке. И меня везут на собственную казнь… либо я должна согласиться стать игрушкой мрачного герцога Моргана Ламберта, которого боятся даже молекулы воздуха и который похож на моего супруга, как две капли воды… или это и есть он?

Содержит нецензурную брань.

Пролог

Я проснулась от того, что все мое тело сильно трясло, словно меня везут на какой-то тележке по ухабам и кочкам. Холод пробирает до костей, и от этого холода даже глаза открывать не хочется, но я все же открыла и… и увидела перед глазами железную решетку. От неожиданности хотела вскочить в полный рост и не смогла, ударилась головой и упала обратно в сено на колени. С ужасом оглядываясь по сторонам, я вдруг поняла, что нахожусь в клетке. В клетке на колесах, и меня куда-то везут. Впереди виднеется круп лошади и длинный хвост. Воняет навозом, железом и… человеческим потом.

Тронула сено и, увидев свои руки, вскрикнула – мой маникюр куда-то исчез, и вместо него грязные пальцы с заусеницами и запыленные манжеты, отвернутые

на черные суконные рукава какого-то странного платья. У меня его отродясь никогда не было. Я попятилась назад и уперлась спиной в клетку, вскрикнула, увидев собственные босые ноги в странных сандалиях под длинной испачканной и ободранною юбкой. Точнее, несколькими юбками. Дернула подол вверх и чуть не закричала, обнаружив под ней какие-то идиотские чулки и края панталон. Это… это какой-то бред. Я, наверное, получила травму головы, и мне все это кажется. Потрогала волосы, и меня всю сотрясло в лихорадке от ужаса – вместо моих аккуратно постриженных под «карэ» волос, у меня на голове была целая копна буйной растительности темно-коричневого цвета, закрученной кольцами, и эта грива опускалась ниже плеч и локтей. Я дернула себя за космы, думая, что это парик, и от боли на глаза слезы навернулись. Снова прижалась лицом к клетке, а потом заметила какого-то мужика верхом на рыжей кобыле, в странной одежде, как будто здесь кино про средневековье снимают. Кажется, он или солдат, или воин. Высокие сапоги покрыты пылью, на боку привязан меч. Господи! Какой к черту меч? Где я? Что это за сумасшедшие галлюцинации или розыгрыш.

– Эй! – крикнула я. – Эй, вы!

На меня даже не посмотрели, словно я пустое место. Несколько солдат гремели кольчугами или каким-то железом и не произнесли ни слова.

– Эй, вы! Да, вы! Что здесь происходит и куда меня везут? Где мой телефон? И… и мне холодно!

Никакой реакции, а у меня уже зуб на зуб не попадает, и с неба срываются снежинки. Осмотрелась по сторонам – заснеженная местность, густой хвойный лес и дорога… широкая дорога, не асфальтированная, со следами проехавших по ней миллиона колес. Только не от автомобилей, а от таких вот телег или карет.

– Эй! Мне холодно! Это похищение? Или розыгрыш? Куда вы меня везете?

Несколько раз дернула решетку, а потом заорала так громко, что лошади шарахнулись в сторону и чуть не выкинули своих всадников из седла.

В ту же секунду сквозь прутья клетки просунулся меч и чуть не уперся мне в горло. Я тут же дернулась назад, глядя расширенными глазами на блестящее

лезвие. Настоящее, судя по всему, и очень остро наточенное.

– Заткнись, ведьма проклятая! Еще раз лошадей испугаешь, пешком за телегой пойдешь!

– Я не ведьма. Я… я Лиза Ше…Лагутина. Я… мы в аварию попали. Там… эээ, – я беспомощно посмотрела назад на припорошенную снегом дорогу, узкой лентой уходящую к горизонту. – Не знаю, где мы сейчас, но мой муж… бывший муж – ему нужна помощь и…

Солдат заржал, показывая мне ряд желтых зубов, а потом сплюнул себе под ноги.

– Какой муж? Ты что несешь? Ты же монашка! Тебя отец в монастырь запер, когда тебе еще и одиннадцати не было, чтоб не позорила его род физиономией своей и глазами жуткими. Совсем с ума сошла? Все! Кончилось царство Блэров.

– Что? Куда везут? Какие Блэры?

– Вряд ли Ламберт тебя пощадит.

– Ламберт?

– Морган Ламберт. Герцог Аргонский. Наш повелитель и Господин! Владыка трех Королевств и пяти морей. Теперь Блэр принадлежит ему. Как и ты!

О Боже! Они здесь все сумасшедшие? Больные на голову? Они что-то курят, принимают транквилизаторы? Нет, это секта. Точно – это секта каких-то староверов или черт его знает кого!

– А я… кто я?

Он снова усмехнулся.

– Ты дурой не притворяйся. Здесь все знают, кто ты. Элизабет Блэр. Дочка графа Антуана Блэра.

– Кого? – у меня в висках застучало, и я от ужаса чуть не сошла с ума. – Вы меня с кем-то спутали. Я… я – Елизавета Лагутина. Я – врач. Я… замужем… ну почти… мы развелись. Я не та женщина, о которой вы говорите, слышите? Отпустите меня! Я никому не скажу про вас. Честно! – я переползала по клетке вдоль решетки, так, чтоб не выпускать всадника из вида.

– Меня предупреждали, что ты – ведьма и что будешь притворяться… заткнись! Не то я сам тебе рот заткну! Мне велено особо не церемониться!

Кошмар! Они здесь все сумасшедшие. Надо… надо как-то выбраться отсюда. Может, я сама смогу сбежать.

– Куда мы едем? – хоть бы понять, где мы находимся.

– В герцогство Адор. На главную площадь. Там тебя сегодня казнят! Башку тебе отрубят, как и всем вашим, кто в живых остался. Так что молись. Если такая тварь, как ты, умеет молиться!

Глава 1

Я смотрела на его профиль. Безупречный, словно высеченный из мрамора. Ровный нос, густые брови, резко очерченные широкие скулы. Четкая линия волевого подбородка, мягкие губы с прячущейся за изломанной чувственной линией, саркастической усмешкой и сумасводящая, ухоженная и всегда умопомрачительно пахнущая щетина. Вот он сидит рядом… словно все еще мой и в то же время уже совершенно чужой. Точнее, несколько часов назад он был еще моим… пока мы не переступили порог ЗАГСа и не получили на руки свидетельство о расторжении брака. Так странно, какая-то бумажка с двумя подписями и одной печатью вдруг превратила человека из твоего в постороннего, как прохожего на улице. Ведь не зря говорят, что дальше всех от тебя оказывается именно тот, кто был настолько близок, что чуть ли не являлся самим тобой.

Больно сжималось сердце и казалось, что в кабине машины невыносимо холодно. Несмотря на включенный обогрев салона и сидений новой «Тойоты» мужа. Бывшего мужа. Одернула сама себя. Он спокойно подписал все бумаги и отпустил меня на все четыре стороны. Зачем я ему? У него таких, как я, не счесть. Вечные, нескончаемые светские львицы, вьющиеся рядом и мечтающие раздвинуть ноги перед перспективным молодым бизнесменом, ворвавшимся на рынок недвижимости, как комета. Он покорял город так же, как в свое время покорил и меня.

А ведь я отличалась от них. Я была все той же Лизой, которая млела от одного его взгляда и готова была за ним сквозь огонь и воду. И долгое время не замечала, что он уходит далеко вперед, а я все та же и такая же. Я вся в семье. Я вся в мечтах о тихом, уютном доме, о детях. Простушка, безумно влюбленная в него, которая так и не осознала, что такие, как мой муж, не для таких, как я. И бизнесмен Михаил Шеремет (у него даже фамилия кричит о мезальянсе между нами) устал от рутины. Он развивает огромный бизнес, а я… а я, что я? А меня нет рядом. Есть посудомойка, повариха, уборщица и недоженщина, которая так и не родила ему ребенка. Врач, которая так и не состоялась, как специалист, потому что у него была карьера, а я мечтала быть хорошей женой и матерью… не стала ни тем, ни другим. Год надежды, на второй подозрения и специалисты, на третий обследования и диагнозы… диагнозы. От этих диагнозов хочется сразу в петлю… или с моста в реку. И снова попытки, снова разочарования, слезы, медицинские центры, больницы, анализы… анализы… анализы. У него все в порядке, он на мои метания смотрит, как на блажь… а у меня…

«– Елизавета Викторовна, вы врач, вы понимаете, что мы не волшебники. Мы ищем проблему, мы проверяем все возможные варианты и хотим узнать, по какой причине не наступает беременность.

– Но вы за столько времени так и не нашли проблему. Столько обследований, столько анализов и… и ничего.

– Так бывает. Медицина не всесильна. Есть вещи, которые от нас не зависят. И вы должны это понимать. На данный момент мы ставим вам диагноз – первичное бесплодие.

– Это приговор?

– Пока у вас есть матка, трубы и яичники, ничто не может стать для вас приговором. ЭКО никто не отменял. Возраст и здоровье вам позволяют. Давайте сделаем последнюю проверку и убедимся окончательно».

Позволяют… Конечно, позволяют. А я сама? Я сама себе не позволяю. Я больше так не могу. Я ненавижу всех вокруг. Ненавижу мужчин, женщин, особенно беременных женщин. Знаю, что это плохо, понимаю, что они не виноваты, что у меня так. И мне кажется, что все вокруг на меня смотрят с жалостью. Что все вокруг сочувствуют ему, что у него я… вот такая ущербная… Особенно его мать и сестра.

«– Миш, вы женаты всего три года. Ни детей, ничего общего. Она же совсем тебе не подходит! Ты мог бы построить семью с другой женщиной…Твоего круга, умной и без этих вот проблем…

– Я не собираюсь обсуждать с тобой Лизу, мама!

– Она просто пользуется твоей добротой! Держит тебя! Я бы на ее месте, если б не могла иметь детей, не портила бы жизнь..

– Хватит! Я сказал!»

Прислониться спиной к двери и закрыть глаза, стараясь взять себя в руки, чтобы не заорать… чтобы не завыть и не выплеснуть им всем в лицо, что его никто не держит. Что он может заводить себе семью хоть с десятью женщинами.

Наверное, он именно так и собирался сделать. Ему осточертело делать анализы, искать проблемы, утешать меня… мужчины хотят видеть рядом женщину, а не домработницу в халате, вечно помешивающую что-то на плите и названивающую ему, чтобы спросить, когда он придет к обеду, а в ответ услышать, что он уже пообедал и будет нескоро. Говорят, что чувства уходят постепенно, а мне показалось, что это случилось в какое-то мгновение, как раз, когда он красиво и размашисто расписался, а я… а у меня в этот момент онемели кончики пальцев и захотелось зарыдать: «Нееет. Я же люблю тебя… нееет. Давай все исправим, Мишааа. Я не хотела вот так… я просто… я просто так сильно люблю тебя… И хочу родить тебе ребенка и не могу…»

***

Я хотела, чтобы мы побыли на Новогодние праздники вместе. Я мечтала о семейном ужине, елке, просмотре кинофильмов, как когда-то, когда он был просто Мишкой для всех, а не Михаилом Станиславовичем и на «вы».

Но он должен уезжать, у него новый серьезный проект с новозеландцами, и это принесет нашей семье большие деньги. Михаил Шеремет никогда не уступит и не сделает по-моему. Только, как он сказал, решил, надумал. Кого волнует мое мнение? Оно вообще у меня должно отсутствовать. У домохозяек верное мнение только «мужнино», а свое можно засунуть куда-нибудь очень и очень далеко. Именно тогда я поняла, что женщина всегда должна быть самореализована, иначе она просто придаток к мужчине. По сути – никто. Все эти домохозяйки с новыми шубами, машинами, квартирами на самом деле просто квартиранты на съемном жилье, с вещами, взятыми напрокат, и с жизнью такой же съемной и временной. Их в любой момент можно вышвырнуть. Но ведь никогда так не думаешь о себе. О себе всегда «я особенная», и «он меня любит», и «со мной так не поступят».

Пока не увидела его по телевизору. Да, по телевизору. Так смешно видеть собственного мужа не дома, а где-то на экране, в другом измерении и в другой Вселенной. Видеть, как он вышел из машины с другой женщиной, как положил по-хозяйски руку ей на бедро и что-то шепнул на ухо. В это никогда не хочется верить. Это ведь случается с кем-то другим, но только не с тобой. И ворох оправданий, ворох причин, которые на самом деле просто придуманы для себя лично. Потому что не хочется верить… Хочется верить ему. А его-то уже давно рядом нет, только этого не замечаешь сразу… И трезвеешь медленно в каком-то одурманивающем похмелье, с ужасом цепляясь за былое опьянение, потому что трезвость принесет с собой самую настоящую боль.

Но боль мне принес телефонный звонок. Когда увидела, что это номер врача, затряслись руки и колени. Надежда ослепила на какие-то мгновения и даже затрепыхалась под рёбрами.

– Да. Я вас слушаю, Георгий Владимирович.

– Мы получили результаты ваших анализов, собрали консилиум и…

– И что?

– К сожалению, мы ничего особо сделать и не сможем. Вы бесплодны.

Мне показалось, что только что мне всадили нож прямо в сердце по самую рукоять.

– А…а ЭКО? Вы говорили, что…

– Даже ЭКО. Только суррогатное материнство.

Я отключила звонок и сползла по стенке на пол.

Долго приходила в себя, глядя в одну точку… пытаясь собраться с мыслями и с силами. А мне кажется, что все стены навалились со всех сторон на меня и не дают дышать. Вот-вот раздавит. И срочно надо на улицу. Срочно надо свежего воздуха. Сбежала по лестнице, выскочила из подъезда и столкнулась нос к носу с Ириной Федоровной – моей свекровью.

– Ооо, Лизочка, а я к тебе.

– Ко мне?

– Да, к тебе. Миша на работе?

Я кивнула, глядя на холенное лицо матери Михаила, на ее массивную золотую цепочку на шее.

– Вот и отлично. Поговорим один на один.

– Вы…вы простите, мне некогда. У меня много дел сегодня. Давайте поговорим в следующий раз.

– Какие такие дела у тебя? Ты ж не работаешь?

Презрительно скривила тонкие губы.

– У человека могут быть дела кроме работы.

– Например, какие?

Я не собиралась перед ней отчитываться. Я вообще сейчас была на грани срыва, и нам нельзя говорить. Нельзя, или я скажу что-то лишнее.

– Простите, мне надо идти.

– Идти ей надо! Хорошо! Не хочешь впустить в квартиру, поговорим тут. Я пришла сказать тебе, чтоб ты оставила в покое моего сына! Чтобы перестала поганить ему жизнь и ушла с дороги! Ему нужна другая женщина! Та, что детей родить может! И ты, Лиза, должна была это и сама понять, а не цепляться за него и давить на жалость!

У меня перед глазами потемнело, и захотелось за что-то схватиться. Хотя бы за воздух. Это он ей так сказал? Сказал, что он со мной из жалости?

– Я… я его не держу!

– Держишь! И я знаю почему. Я даже могу тебя понять. Такой успешный мужчина, при деньгах, красивый, молодой. Где такая, как ты, найдет себе такого еще? И… я даже готова тебе кое-что предложить.

Я слушала ее молча, чувствуя, как расплываются пятна перед глазами и как бешено колотится в горле сердце.

– Здесь дарственная на двухкомнатную квартиру в центре города, кредитная карточка с очень круглой суммой. Я отдам тебе все оригиналы, когда ты подашь на развод с моим сыном!

Я медленно взяла из ее рук конверт и, глядя в ее маслянисто-голубые глаза, так же медленно его разорвала и швырнула обрывки ей в лицо. Развернулась и быстрым шагом пошла к машине.

– Дрянь! Сука бездетная! Эгоистка! Не нужна ты ему! Ты не женщина! Ты одно название!

***

Я тогда приехала к мужу в офис. Помню, как вошла в здание, оглядываясь по сторонам, и как на меня посматривали секьюрити и девочки в информационном центре. Когда я подала документы для пропуска в офисы, одна из работниц вздернула жирную бровь (теперь модно непременно жирные, да так, чтоб на пол-лба и над глазами карнизом нависли вместе с ресницами размера 5xxxl) и беззвучно хмыкнула. Я гордо прошла мимо нее к лифту и поднялась наверх в офис мужа. Он был не один. С ним была ТА женщина в элегантном костюме кофейного цвета с узенькой юбкой и блузкой с шикарным декольте, с распущенными светлыми волосами, она сидела на краю стола и что-то показывала пальцем на разложенной карте. А мой муж… он стоял рядом с ней, чуть придерживая ее за локоть, и следил за ее кроваво-красным когтем. Еще никогда я не чувствовала настолько обжигающую ревность. Дикую и неуправляемую по своей силе. Вспомнила свое лицо в зеркале – без косметики с коротким хвостиком на затылке, одетая в свитер и в джинсы… Какая же я по сравнению с ней убогая. Теперь все женщины вокруг казались мне выше меня на тысячу ступеней. Они были самками, сильными, здоровыми, а я… я в свои двадцать восемь пустышкой, которая только выглядит как женщина.

Ревность меня буквально ослепила в тот день, вывернула наизнанку. Иногда достаточно какой-то капли, и вас взрывает, в вас просыпается дьявол. Я тогда помешала им с проектом. Мадам ушла, одарив меня таким взглядом, будто я зарвавшееся ничтожество, пообещав, что они продолжат беседу завтра, а мой муж, который любезно провел ее до двери, был дьявольски красив и так же дьявольски зол на то, что я им помешала. И я впервые вдруг ощутила, что он чужой. Что на самом деле я его совершенно не знаю. Я живу с тем Мишей… в прошлом. А его уже давно нет…

Глава 2

– А мне не нужны деньги, понимаешь? – кричала я, прикрыв дверь его кабинета. – Мне ты был нужен! Муж был нужен рядом!

Михаил повел широкими плечами, словно скидывая с себя каждое из моих слов.

– Был? С каких пор все стало в прошедшем времени? Я рядом. Ты просто не замечаешь. Я жизни хочу для нас иной, хочу, чтоб не нуждались ни в чем, и когда у меня начало получаться, ты закатываешь истерики?

Мне даже показалось, что я его раздражаю своими просьбами. Наверное, она права… его мать. Не нужна я ему.

– Это не истерика. Это… как ты не понимаешь, я целыми днями одна, я вечно жду тебя, а тебя нет! Ты женат на своей работе. На своих партнерах и… партнершах! Кто я для тебя?

Подошел ко мне… и сердце забилось надеждой… а потом обошел меня и распахнул настежь окно, демонстративно громко втягивая свежий воздух. Словно я пришла его задушить, и в моем присутствии дышать просто невозможно.

– А ты мне предлагаешь сидеть у твоей юбки и сериалы смотреть? Ты одна? На йогу сходи. Развивайся, если тебе скучно. У меня бизнес. Я делаю это для нас, Елизавета! Я не виноват, что тебе нечем заняться.

Даже в этих словах я услышала упрек. Словно звучал у меня в голове совсем иначе: «Если у тебя даже нет ребенка, чтобы им заняться». Когда он злился, то называл меня полным именем. Произносил его так уничижительно, что мне хотелось стать невидимой точкой и исчезнуть. Раствориться в кислороде, как в кислоте. Стать для него невидимой. Но не сегодня. Сегодня я прозрела, сегодня я увидела нас обоих совсем другими глазами.

– А эта блондинка, которая вечно рядом с тобой, ее ты тоже держишь для нас? А эти… все они, кто крутятся на твоих банкетах, собраниях… Господи, тебя даже по телевизору с ними показывают! – он усмехнулся так, словно я полная идиотка и несу несусветную чушь. – Хорошо! Я займусь собой! Я тоже найду себе какого-то партнера по бизнесу и…

Михаил вдруг резко развернулся и припечатал меня к стене у окна, и, нависнув надо мной, с яростью посмотрел мне в глаза, так, что морозом по коже пробрало.

– На вышивание иди или на вязание. Благотворительностью займись, если так скучно.

– Я не буду тебе подчиняться. Не буду делать, как ты говоришь. Не буду сидеть дома! Ясно?

– А что ты будешь делать?

– Работать по профессии! В клинику частную пойду. Мне предлагали.

– И кто предлагал?

– Алексеев. Он предлагал. А я отказалась, дура. Теперь соглашусь.

– Именно у него? Ты для этого пришла сюда? Получить от меня разрешение? Созрела?

Он говорил резко и грубо, словно специально пытался уколоть меня побольнее. А я и так сгусток боли. И этот сгусток пульсирует и готов взорваться в любую секунду.

– Я пришла сказать, что так продолжаться больше не может. И если ты не хочешь ничего менять, то это сделаю я.

Он усмехнулся своей отвратительно-обаятельно-сногсшибательной улыбкой, сверкая белыми зубами и чуть сощурив темно-серые глаза. Насыщенно серые, цвета мокрого асфальта или набрякших туч перед исторжением дикого урагана.

– Неужели? Наверное, съездишь на пару недель к своей маме, чтобы муж прочувствовал, какой он мудак, и приехал вымаливать прощения? Так ради Бога. Я скажу своему водителю, чтоб подкинул тебя до аэропорта. Билеты заказать?

Сколько высокомерия и презрения в голосе. Неужели от былой нежности и безумной любви остались вот эти нотки раздражения и ярости. Где оно? Где оно – наше счастье. Мы ведь были счастливы… или я все себе сама придумала? В какой момент в этом счастье я осталась сама? Или… или это потому, что я не могу забеременеть? Если бы у нас был ребенок, все было бы по-другому.

– Вот и отлично. Именно так я и поступлю.

– Прекрасно. Билет на «когда» взять?

От обиды у меня запершило в горле и начало печь глаза. Мне хотелось его ударить за этот издевательский тон и за то, что все решает за меня. Даже то, куда и когда мне от него уйти.

– Я сама решу на «когда» и сама возьму билет. Я не твоя вещь, и ты не будешь мною распоряжаться! Девками своими распоряжайся!

– Разумеется. Девками само собой, – хищно оскалился и приблизил лицо к моему лицу. – Ты – моя жена, и я не распоряжаюсь, а несу за тебя ответственность. Поэтому именно я и решаю – куда и когда ты поедешь.

– И в чем она заключается? В вечном отсутствии и в этой… этой женщине, которая скрашивает твой рабочий день? Я не стану все это терпеть. Я терпела годами! Я закончилась, понимаешь? Я хочу перемен.

– Каких таких перемен? Работать с Алексеевым, который мечтал тебя трахнуть еще со школы? Так и скажи, что хочешь получить разрешение наставить мне рога и раздвинуть перед ним ноги.

Я замахнулась, чтобы дать ему пощечину, но он перехватил мое запястье и завел мою руку мне за спину, дернув к себе, задавив между собой и стенкой.

– Ты – моя женщина, Лиза. Моя, понимаешь? Я готов выполнять любые твои прихоти, только скажи. Хочешь работать – ради Бога, работай. Но там, где я скажу!

Я попыталась освободить руку, но он сдавил мое запястье и не отпускал.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что все будет продолжаться, как раньше, и как ты сказал – не будет. Все. Те времена окончены. Я уже не та безропотная и на все согласная Лиза.

– Я не думаю, я знаю, что так и есть!

Тяжело дышит, и ноздри раздуваются от ярости. Такой красивый в этот момент и такой чужой, такой далекий. Мне не верится, что все это он говорит мне сейчас, не верится, что между нами разверзается пропасть, и никто не собирается через нее переступать. Я и так переступала все эти годы. Я считала, что женщина должна быть умной, женщина должна держать семью… а сейчас я устала держать. Я хочу, чтобы держали меня, а некому. Просто некому, черт возьми! И эта новость… как мне сказать ему? И надо ли теперь вообще что-то говорить. Я и так ничтожество в его глазах.

– Значит, у тебя устаревшие представления обо мне! Я больше не стану мириться с ролью мебели в нашем доме. Я человек, я женщина, и я хочу, чтоб это замечали.

Михаил хищно оскалился и тут же рывком привлек меня к себе, запрокинул мою голову, ухватив за волосы на затылке и всматриваясь в мои глаза, накрыл ладонью мою грудь, сжимая ее нарочито грубо через тонкую вязку свитера. Словно показывая, что имеет на это право в любую секунду.

– Я недостаточно тебя замечаю, как женщину? Так и сказала бы, что я мало тебя трахаю, и я разложу тебя прямо на этом столе. Да где угодно. Тебе мало секса, любимая? В этом вся проблема?

Насмехается, потому что именно с сексом у нас всегда все было в порядке. До этих проклятых отъездов и командировок. И даже вместе с ними мой муж был пылким и очень страстным любовником. Но мне этого мало! Мало быть просто телом. Я не хочу, чтоб меня кормили и трахали. Я хочу, чтоб меня любили и ценили, как женщину, как равноправного партнера. И я… я хочу его поддержку, хочу чувствовать себя нужной… а не жалкой.

– Мне мало тебя! Мне мало нас! Мне всего с тобой мало. Да что там мало – НАС НЕТ! Ты разве не замечаешь, что мы лишь одно название? Или ты видишь все только своими глазами? Только как тебе удобно? Появился твой бизнес, и пропали мы! Я так не хочу больше…

Я перегибала палку, но остановиться уже не могла. Я сорвалась, я словно увидела все без очков своей безумной любви к собственному мужу… и ощутила

себя в этой любви, как на необитаемом острове.

– Так значит, для тебя нас больше нет? А кто есть, Елизавета? Кто теперь для тебя есть? Нашла мне замену?

– Это ты нашел замену. Кучу разных замен!

Прислонился лбом к моему лбу, но так и не выпустил из пальцев моих волос на затылке. Теперь он просто их перебирал, затуманивая мне мозг и лишая возможности думать. Но я не хотела поддаваться. Не хотела таять под его пальцами безропотной игрушкой.

– Однажды я уже сказал тебе, что люблю тебя. С тех пор ничего не изменилось, – прошептал очень серьезно, глядя мне в глаза и заставляя сердце пропускать удары, вспоминая, как часто раньше он мне это говорил.

– Для тебя вообще хоть что-то значит? Ты меня слышишь? Мишаааа, я больше так не хочу, ты понимаешь? Я пришла тебе сказать об этом!

– И что это значит? Ты хочешь развестись, Лиза?

Холодный тон, и взгляд мгновенно изменился, пальцы не ослабили хватку на моих волосах, он меня придавил к себе еще сильнее.

– А ты бы хотел, чтоб мы развелись?

– Ты пришла мне здесь рассказывать, чего хочешь ты. И я внимательно тебя слушаю.

– А я тебя… ты поедешь в свою командировку? С ней? Да или нет? Оставишь меня и поедешь?

Михаил посмотрел мне то в один глаз, то в другой.

– Я не оставляю тебя никогда – это моя…

– ДА ИЛИ НЕТ? Поедешь с ней?

– Да! У меня важный…

Я уперлась руками ему в грудь и силой оттолкнула от себя.

– Значит, да! Я хочу с тобой развестись! Хочу свободы от тебя!

И сама ошалела, когда произнесла это вслух, его взгляд вдруг стал пронзительно-ледяным. Изо всех сил ударил кулаком по стене возле моей головы.

– Это то, чего ты хочешь? Моя поездка и какая-то женщина, с которой у меня нет никаких отношений, кроме деловых, могут разрушить наш брак? Что ты придумала себе? Это только в твоей голове!

– Не какая-то женщина и не поездка, а твое равнодушие и твои приоритеты в отношении нас! А точнее, полное отсутствие нас в твоей жизни!

Я обхватила его лицо руками.

– Ты ничего не хочешь менять. А я ничего не хочу оставлять как прежде.. Мне был нужен ты… а ты не со мной. И все эти женщины вокруг тебя… их так много, мне уже кажется, что в тебя впитался их запах! И я… я больше не верю тебе! Не верю, что ты и они… что ты с ними не спишь!

Схватил меня за плечи и сильно тряхнул.

– Брееед! Это твои глупые выводы! Это все от скуки! Дай мне закончить этот проект, и я все тебе расскажу. Я с тобой. И нет никаких женщин, кроме тебя, Лиза!

– Я это слышала уже не один раз.

Он попытался привлечь меня к себе, но я уперлась руками ему в плечи.

– Не надо! Не надо снова мне лгать. Эта ложь не кончается годами. Я устала ждать, я устала считать твои командировки, устала постоянно подозревать, смотреть на них вместе с тобой. Я сегодня же уеду к маме. Насчет билетов не волнуйся – я сама куплю.

– Уже и чемодан собрала?

Рявкнул мне в лицо, потеряв полностью всякое терпение. И темно-серые глаза стали еще темнее, цвета графита. Как же я всегда любила его глаза… Грозовое небо… а плачу дождем именно я. Не хочу жалости… не вынесу ее больше.

– Соберу, не сомневайся!

– А Алексеев тебя встретит там?

– Возможно, и встретит.

Как же мне хотелось закричать ему, что сегодня мне сказали, что я никогда не смогу родить ему ребёнка… а вместо этого… вместо этого я готова лгать, что ухожу от него к другому мужчине. Потому что он весь там – на своем пьедестале идеальности, а я… я тут внизу со своим бесплодием. Ненужная ему с этими проблемами.

– Если ты уедешь, то обратной дороги не будет! Ясно? В одних трусах босиком к нему пойдешь!

– А ее и так уже нет! Я больше не люблю тебя! Ты разве еще не понял? Уйду хоть в трусах! Лишь бы от тебя подальше!

Выпалила и сама остолбенела, чувствуя, как дерет в горле и как эта ложь обжигает мне глаза. А он побледнел, стиснул челюсти, несколько секунд смотрел мне в глаза, а потом схватил за шиворот и, приподняв, поволок к двери.

– Тогда давай! Уходи! Ну? Что стала? Пошла вон!

Вытолкал меня в коридор и изо всех сил шваркнул ею так, что штукатурка посыпалась. На меня обернулся весь офис… и в их глазах не было сочувствия.

Скорее, недоумение. И этим недоумением была именно я.

Глава 3

После того, как мы заехали на заправку, в его волосах запутались мелкие снежинки, они поблескивали на висках. Мне вдруг захотелось их смахнуть и пригладить его шелковистые каштановые пряди, откинуть назад. Даже пальцы заломило от этого желания, и я сжала их в кулак. Нельзя. Все. Теперь его волосы будет гладить кто-то другой. Может, и есть кому с тех пор, как я переехала. А сегодня… сегодня мы развелись. Звучит так, словно мы оба умерли. Точнее, я умерла, а он продолжит жить, как и жил. Потому что я оказалась далеко не в его приоритете. Бизнес оказался дороже. А я… с моими проблемами где-то за бортом. Без мужа, без ребенка… И сижу у разбитого корыта и понимаю, что вроде как блефовала и хотела получить нечто большее, а в итоге осталась ни с чем. Переоценила свою значимость в его жизни. Ради меня никто и ничего менять не захотел. И это не просто больно, это как тысячами иголок прямо в сердце. Так и надо. Я все это заслужила… Не надо было растворяться в нем, не надо было любить настолько сильно. Я просто слабачка… я просто его «не потянула». А теперь без него начну сходить с ума. Уже схожу. От одной мысли, что запах его больше не почувствую, шатать начинает и в глазах темнеть. Не нужна ему такая, как я. На дно его тянуть буду. Права его мать. Зачем ему бездетная серая мышь с кучей тараканов в голове. Он достоин лучшего… да и он тоже так считает. Я в этом уверена. Первые дни позвонить хотела. Рука к телефону тянулась, хватала несколько раз, потом бросала, блокировала его номер, прятала голову под подушку и выла, как обезумевшее животное. Нет, он не звонил и не приезжал за мной. Ему надоело… зачем я такая проблемная нужна? Если есть та блондинка или другая, а возможно, мама уже нашла мне замену.

Обратно в аэропорт, после ЗАГСа, Миша повез меня сам. Его водитель то ли отпросился, то ли заболел. Липкий, мокрый снег бил в лобовое стекло, оседал на дворниках, и я думала о том, что рейс, скорее всего, отложат из-за погоды. Он уедет, а я останусь одна на скамейке с сумкой, бумагами и пустотой в душе.

– Ну что, довольна? Этого хотела?

Я вздрогнула от неожиданности и повернулась к нему.

– А ты?

– При чем здесь я. Я исполнил твое желание. Ты ведь так хотела свободы. Счастлива?

На меня не смотрит – только на дорогу.

– Что молчишь? Отвечай, как есть. Когда свадьба с Алексеевым? Я слышал, ты устроилась к нему в клинику?

– Устроилась.

– Молодец. И как? Сбылась мечта о другой жизни?

– Пока нет. Но обязательно сбудется.

Посмотрела на его руку – на безымянном пальце по-прежнему обручальное кольцо. Не снял. На моем тоже. И опять стало больно. Так больно, что я не смогла больше на него смотреть и отвернулась к окну.

– С Алексеевым?

– Какая разница – с кем, главное, не с тобой! С тобой мои мечты не имели ни малейшего шанса.

Ухмыльнулся и вцепился в руль.

– И не будут иметь. Сегодня от этой клиники камня на камне не останется! Ты не выйдешь за него. Не выйдешь ни за кого! Будешь счастлива сама! В гордом одиночестве! Без меня – значит, ни с кем!

Не кричит, нет. Говорит с расстановкой, чеканя каждое слово.

– Ты не имеешь права! Мы развелись! Я могу теперь жить своей жизнью! Или ты развелся, чтобы свободно со своей той Алиной крутить? Шлюхой белобрысой?

– Конечно! С тысячью Алин, Ир, Надь, Свет! Всех перетрахаю теперь! Раньше-то меня бумажка сдерживала, а сейчас все. Свобода. Можно всем разрешение показывать, подписанное бывшей женушкой!

Мне захотелось вцепиться ему в лицо за этот сарказм, за то, что продолжает опускать все ниже и ниже.

– Ну так и у меня есть подписанная бумажка! Что хочу теперь, то и делаю! С кем хочу, с тем и трахаюсь!

Я выдернула из сумки свидетельство и помахала им у него перед носом. Но он тут же у меня его выхватил и, открыв окно, вышвырнул в снег.

– Херня твой развод! Мне насрать! Шею сверну каждому и тебе в том числе! Никто не приблизится. Я не позволю. Моей будешь, как говорится, пока смерть не разлучит нас. Только теперь без прав. Никто и звать никак. Хотела – получай. Я всегда исполняю желания женщин!

Стало не по себе… Он никогда раньше так не говорил со мной. Я никогда не видела его таким. Слезы навернулись на глаза от обиды и от того, что позволяет себе вот так со мной обращаться. Как с вещью.

– Тогда пусть бы она нас разлучила. Лучше смерть, чем с тобой! Ненавижуууу!

В эту секунду раздался скрип покрышек, и Миша крутанул руль, пытаясь выровнять машину, но нас уже развернуло и несло боком по скользкой ночной трассе. От ужаса я закричала, видя, как стремительно нас крутит и как впереди сверкают фары едущего навстречу автомобиля. Когда раздался удар, перед моими глазами вспыхнуло яркое пятно, и мне показалось, что я лечу в бездну из столпа ослепительного света.

***

Я проснулась от того, что все мое тело сильно трясло, словно меня везут на какой-то тележке по ухабам и кочкам. Холод пробирает до костей, и от этого холода даже глаза открывать не хочется, но я все же открыла и… и увидела перед глазами железную решетку. От неожиданности хотела вскочить в полный рост и не смогла, ударилась головой и упала обратно в сено на колени. С ужасом оглядываясь по сторонам, я вдруг поняла, что нахожусь в клетке. В клетке на колесах, и меня куда-то везут. Впереди виднеется круп лошади и длинный хвост. Воняет навозом, железом и… человеческим потом.

Тронула сено и, увидев свои руки, вскрикнула – мой маникюр куда-то исчез, и вместо него грязные пальцы с заусеницами и запыленные манжеты, отвернутые на черные суконные рукава какого-то странного платья. У меня его отродясь никогда не было. Я попятилась назад и уперлась спиной в клетку, вскрикнула, увидев собственные босые ноги в странных сандалиях под длинной испачканной и ободранною юбкой. Точнее, несколькими юбками. Дернула подол вверх и чуть не закричала, обнаружив под ней какие-то идиотские чулки и края панталон. Это… это какой-то бред. Я, наверное, получила травму головы, и мне все это кажется. Потрогала волосы, и меня всю сотрясло в лихорадке от ужаса – вместо моих аккуратно постриженных под «карэ» волос, у меня на голове была целая копна буйной растительности темно-коричневого цвета, закрученной кольцами, и эта грива опускалась ниже плеч и локтей. Я дернула себя за космы, думая, что это парик, и от боли на глаза слезы навернулись. Снова прижалась лицом к клетке, а потом заметила какого-то мужика верхом на рыжей кобыле, в странной одежде, как будто здесь кино про средневековье снимают. Кажется, он или солдат, или воин. Высокие сапоги покрыты пылью, на боку привязан меч. Господи! Какой к черту меч? Где я? Что это за сумасшедшие галлюцинации или розыгрыш.

– Эй! – крикнула я. – Эй, вы!

На меня даже не посмотрели, словно я пустое место. Несколько солдат гремели кольчугами или каким-то железом и не произнесли ни слова.

– Эй, вы! Да, вы! Что здесь происходит и куда меня везут? Где мой телефон? И… и мне холодно!

Никакой реакции, а у меня уже зуб на зуб не попадает, и с неба срываются снежинки. Осмотрелась по сторонам – заснеженная местность, густой хвойный лес и дорога… широкая дорога, не асфальтированная, со следами проехавших

по ней миллиона колес. Только не от автомобилей, а от таких вот телег или карет.

– Эй! Мне холодно! Это похищение? Или розыгрыш? Куда вы меня везете?

Несколько раз дернула решетку, а потом заорала так громко, что лошади шарахнулись в сторону и чуть не выкинули своих всадников из седла.

В ту же секунду сквозь прутья клетки просунулся меч и чуть не уперся мне в горло. Я тут же дернулась назад, глядя расширенными глазами на блестящее лезвие. Настоящее, судя по всему, и очень остро наточенное.

– Заткнись, ведьма проклятая! Еще раз лошадей испугаешь, пешком за телегой пойдешь!

– Я не ведьма. Я… я Лиза Ше…Лагутина. Я… мы в аварию попали. Там… ээээ, – я беспомощно посмотрела назад на припорошенную снегом дорогу, узкой лентой уходящую к горизонту. – Не знаю, где мы сейчас, но мой муж… бывший муж – ему нужна помощь и…

Солдат заржал, показывая мне ряд желтых зубов, а потом сплюнул себе под ноги.

– Какой муж? Ты что несешь? Ты же монашка! Тебя отец в монастырь запер, когда тебе еще и одиннадцати не было, чтоб не позорила его род физиономией своей и глазами жуткими. Совсем с ума сошла? Все! Кончилось царство Блэров.

– Что? Куда везут? Какие Блэры?

– Вряд ли Ламберт тебя пощадит.

– Ламберт?

– Морган Ламберт. Герцог Аргонский. Наш повелитель и Господин! Владыка трех Королевств и пяти морей. Теперь Блэр принадлежит ему. Как и ты!

О Боже! Они здесь все сумасшедшие? Больные на голову? Они что-то курят, принимают транквилизаторы? Нет, это секта. Точно – это секта каких-то староверов или черт его знает кого!

– А я… кто я?

Он снова усмехнулся.

– Ты дурой не притворяйся. Здесь все знают, кто ты. Элизабет Блэр. Дочка графа Антуана Блэра.

– Кого? – у меня в висках застучало, и я от ужаса чуть не сошла с ума. – Вы меня с кем-то спутали. Я… я – Елизавета Лагутина. Я – врач. Я… замужем… ну почти… мы развелись. Я не та женщина, о которой вы говорите, слышите? Отпустите меня! Я никому не скажу про вас. Честно! – я переползала по клетке вдоль решетки, так, чтоб не выпускать всадника из вида.

– Меня предупреждали, что ты – ведьма и что будешь притворяться… заткнись! Не то я сам тебе рот заткну! Мне велено особо не церемониться!

Кошмар! Они здесь все сумасшедшие. Надо… надо как-то выбраться отсюда. Может, я сама смогу сбежать.

– Куда мы едем? – хоть бы понять, где мы находимся.

– В герцогство Адор. На главную площадь. Там тебя сегодня казнят! Башку тебе отрубят, как и всем вашим, кто в живых остался. Так что молись. Если такая тварь, как ты, умеет молиться!

Молиться я умела, правда, плохо, и наизусть знала лишь Отче Наш. Мне было не просто страшно, меня трясло от ужаса, как в лихорадке.

Наш отряд нагонял впереди еще несколько повозок, набитых пленниками, и когда я рассмотрела связанных, испуганных до полусмерти, ободранных женщин, детей и стариков, меня затошнило. Я прижалась спиной к решетке и судорожно глотала воздух сухим горлом, не веря своим глазам. Мы поравнялись с телегой, и я услышала голос своего конвоира.

– Мне велено к тебе ее скинуть, а самому ехать обратно в Блэр. Жечь будем там все. Очищать от скверны.

– Нееет! Не надо к нам! Только не ведьму! Нееет! – люди в телеге засуетились, заметались, поглядывая на меня с ненавистью и с опаской. – Пусть за телегой пешком идет!

– А ну заткнулись, крысы! Вас никто не спрашивает! Молчать!

Второй конвоир с жидкими волосами соломенного цвета и побитым оспинами лицом замахнулся хлыстом и ударил по решетке, люди тут же убрали руки.

– Давай ее сюда. И для нее места хватит.

Пока я жалась к решетке, глядя широко распахнутыми глазами на то, как страшно смотрят на меня люди в той телеге, как хватают на руки детей женщины и отворачиваются, я чувствовала, как нереальность происходящего начинает пульсировать в висках, и я вот-вот сорвусь в истерику.

– Когда у них отберут детей?

Шепот соломенноволосого раздался слева, и я, тяжело дыша, слышала, как он звенит ключами.

– Когда свернут к мосту, там у развилки их ждет Черд со своими людьми. Он заберет блэровских детенышей.

– Скорей бы. Мне осточертел их писк. Так бы и открутил им всем головы!

Лязгнул замок, и я увидела лошадиную морду всадника с желтыми зубами.

– Выходи, сучка. Или я выдерну тебя оттуда насильно.

Они шарахались от меня, как от прокаженной, осеняли себя крестами и старались не смотреть мне в глаза. Я не понимала, что происходит, я вообще

находилась на грани жесточайшей истерики. Не переставала потряхивать головой, чтобы проснуться, вдруг очнуться где-то там на обочине в развороченном автомобиле. Я даже представляла себе, как мы оба с Михаилом лежим в снегу, истекаем кровью, и я вижу все эти жуткие галлюцинации перед смертью.

Я обвела взглядом женщин и детей. Засмотрелась на младенца, завернутого в одеяло. Мне было видно его личико со вздернутым носиком и пухлую ручку у матери на груди. Внутри больно защемило… наверное, я бы сдохла за то, чтобы ощутить на груди у себя пухлую ручонку моего малыша. За ноги этой же женщины держался кучерявый мальчик лет семи, он сжимал колени матери и боязливо поглядывал из-под нахмуренных бровей. Он боялся… и я боялась. Я – всего происходящего, а он – меня.

– Мама, а если ведьма меня сглазит, то я превращусь в лягушку или умру? Спрячь от нее Томми. Она на него смотрит.

В этот момент грудничок заплакал, и его мать тут же отвернулась, закрывая собой ребенка. Старший боязливо посмотрел на меня и спрятал лицо у нее в юбках. Да что со мной не так? Почему они все на меня смотрят, словно я лысая или уродливая до невозможности. Почему ведьмой меня называют? Стараясь не думать о том, что на них суконные юбки с потрепанным подолом, кофты с рваными швами, пестрые жилеты и платки на головах, башмаки со стертыми носками и шляпками гвоздей на подошве. Такое даже в самых забытых богом местах не носят. Не знаю, где такое вообще носили. Я все еще надеялась, что это какой-то розыгрыш… Сейчас выскочит какой-то ублюдок с камерой и заорет, что меня сняли в крутом пранке. Только авария с пранком совсем не вязалась, и в том, что она была, у меня не возникало ни малейших сомнений.

Надо успокоиться, взять себя в руки. Что бы они ни говорили, никакой казни быть не может. Мы не в средневековье на самом деле. В этот момент повозка свернула к мосту… Там нас поджидал отряд из десяти всадников в черных развевающихся плащах. Маскарад продолжается? Или мои галлюцинации выходят на иной уровень?

Наверное, это была самая жуткая минута истины в моей жизни, самое страшное лишение всех иллюзий и понимание, что если это и игра, то она зашла слишком далеко. Они отбирали у женщин детей. Такой кошмар я видела только по телевизору. Жестоко, хладнокровно выдирали из рук матерей и передавали друг

другу, запихивали их в повозку с крытым верхом. От дикого крика, стонов и рыданий у меня закладывало уши и слепило глаза. Когда один из ублюдков схватил Томми за пухлые ручки и потянул к себе, выцарапывая у истошно орущей матери, которую он ударил кулаком в лицо, я набросилась на мразь, схватила за плащ и зашипела в перекошенное лицо:

– Все! Это зашло далеко! Хватит! Не трогайте детей! Прекратите весь этот цирк немедленно, не то я найду, как вызвать полицию, и когда я подам на вас в суд, этот розыгрыш будет стоить вам денег и свободы!

Солдат оторопел, глядя мне в глаза, а потом зашевелил губами, пытаясь отцепить мои руки от своего плаща.

– Карл, давай пошевеливайся! Время идет!

– Ведьма не дает забрать ребенка!

– Выруби суку! Не церемонься!

Но он боялся, я видела по его глазам, как он боится, и не знаю, зачем сказала:

– Руки убери, тварь! Прокляну! Язык отнимется! Кровью мочиться будешь!

Его руки разжались, и он попятился от меня назад, отпуская ребенка. Я протянула его матери, но та смотрела на меня примерно так же, как и солдат. С нескрываемым ужасом.

А потом меня ударили по голове рукоятью меча. Я только успела увидеть перекошенное лицо урода с соломенными волосами и гнилыми зубами и погрузилась во тьму. Крики ребенка теперь доносились откуда-то издалека, пока совсем не исчезли.

В себя пришла от мучительной боли в затылке и ощущения дикой жажды. С трудом разлепила веки, понимая, что нас все еще везут. И кошмар не закончился. Я по-прежнему в вонючей повозке с несчастными женщинами, которые обезумели от горя. Кто-то из них тихо скулил, кто-то молился и

причитал. Я с трудом умудрилась сесть и тронула затылок, посмотрела на свою руку – на пальцах осталась кровь.

– У кого-то есть вода? Я очень хочу пить.

Никто даже не подумал мне ответить. Они переглянулись между собой, но даже не шелохнулись. Только та женщина, мать маленького Томми вначале долго копалась в складках юбок и протянула мне бутыль с водой.

– Для детей взяла, – и в глазах слезы блеснули, – теперь уже не надо.

– Спасибо.

Прижала горлышко к губам и жадно сделала несколько глотков.

– Они между собой говорили… детей увезут куда-то. Не убьют… Наверное, можно будет найти, – дурацкие слова утешения, которые звучали полнейшим абсурдом. – Сейчас бы компресс со льдом прямо из морозильника, и рану перекисью промыть, кто знает, где побывали их мечи.

Женщина смотрела на меня, как на какое-то исчадие ада или пришельца. Словно ничего не поняла из сказанного мною… Они просто в шоке от пережитого кошмара. Я и сама в шоке. Это определенно шок. Главное, не впасть в истерику.

– У вас, может, и йод найдется? – тихо спросила я с какой-то затаенной надеждой, что они знают, что это такое.

– Нет у нее твоих ведьминских зелий! Отстань от нее. Это ты во всем виновата, проклятая! Из-за тебя детей забрали. Ты на нас беду накликала. Надо было вышвырнуть тебя из повозки!

Старая карга с серым платком на седых волосах, пучком торчащих по бокам, тыкнула в меня скрюченным пальцем.

– Ты виновата!

– Да с чего вы взяли, что я ведьма?! Бред какой! Я… я не знаю, кто вы, что здесь происходит, но это должно скоро закончиться и… прекратите меня так называть!

– Не притворяйся. Все видят глаза твои жуткие. Их ни от кого не спрячешь. С такими только ведьмы рождаются. Это печать дьявола!

Они сумасшедшие. Все эти люди просто ненормальные. Или это я сошла с ума. И сходила с каждой секундой еще больше. Потому что мы приближались к огромной каменной стене. На которой виднелись смотровые башни, снующие люди с копьями, а вдалеке поблескивали шпили замка с развевающимися знаменами. С неба сорвались первые хлопья снега, и я поежилась от холода, обхватывая себя руками, и тут же одна из женщин дернулась в сторону и снова несколько раз перекрестилась. Я опустила взгляд и посмотрела на свое запястье, из-под манжеты виднелась словно татуировка – черная голова змеи с высунутым языком. Я тут же одернула манжет…

– Подъезжаем к воротам Адора! Пересчитать пленных!

Нас пересчитали, как скот. А я смотрела, как предводитель этих ублюдков с соломенными волосами отдает какие-то бумаги стражу с копьем. Бред! Сумасшествие! Копья! Стражи! Замок! Бумаги с круглой красной печатью!

– Семнадцать пленных. Среди них Элизабет Блэр собственной персоной.

– Баб забирайте, а ведьму возьмет Брэдли. Ее велено доставить в Начдар перед казнью.

– Может, вначале дашь моим людям поразвлечься с сучкой? Она ведь целка. Меня заводит монашеское платье и ее страшные глаза. Я б ее вздрючил прямо в этой повозке. Чистенькая тварь голубых кровей, от нее пахнет молоком и медом.

– Мне велено доставить графиню Блэр в Начдар. Для развлечения возьми другую бабу. У тебя их целых шестнадцать.

– Какая разница? Ее все равно казнят! И эти шестнадцать – взрослые курицы, которых уже имели.

– Лорд Ламберт приказал привезти дочь Антуана Блэра целой и невредимой в Адор. Целой и невредимой! Или в этих словах есть что-то непонятное?

– Никто б не узнал. Ее все равно сожгут!

– Даже у стен есть уши, Рам. Ламберт потом нам обоим оторвет яйца и заставит сожрать на главной площади на глазах у всех.

– Я бы хоть посмотрел на ее белую кожу. У северян она такая прозрачная. Говорят, и соски у их женщин светло-розового цвета, а половые губы похожи на лепестки чайной розы!

– Подёргаешь свой стручок при казни, романтик чертов. Ведьм сжигают голыми! Все! Хватит болтать! Герцог Морган не любит ждать!

Глава 4

Меня тащили следом за лошадью за связанные руки. Ступая по мосту, ведущему к массивным поднятым воротам, я чувствовала, как ужас окутывает меня все сильнее, накрывает с головой… Потому что это все уже совсем не походило на розыгрыш… Но тогда это могло означать, что я сошла с ума. Но разве галлюцинации могут быть настолько сильны, что я чувствую, как камушки забиваются мне в сандалии и болят мышцы рук и ног? Изуверы тащат меня еще с самой развилки, и я, не приученная к физической нагрузке, скоро просто упаду.

– Пошевеливайся, ленивая дрянь! Не то я пришпорю лошадь, и твоя белая кожа сотрется о мостовую в лохмотья!

Я прибавила шагу, понимая, что вот-вот рухну и не смогу пройти ни метра. Надо было заниматься спортом. Мама так и не отдала меня никуда. Жалела. Сама – бывшая гимнастка, решила не портить мне жизнь и вырастила комнатным цветочком, и теперь комнатный цветочек вот–вот погибнет от легкого бега трусцой за лошадью. Боже, о чем я думаю? Я неизвестно где! Меня тащат на казнь! В какой-то Адор, где все сумасшедшие изверги. На моих глазах у женщин

отобрали детей, а еще какой-то вонючий солдат хотел меня изнасиловать прямо в повозке.

И я не смогу подумать об этом завтра, как моя любимая Скарлетт О’Хара. Я должна об этом думать прямо сейчас… должна лихорадочно пытаться сообразить, что мне теперь делать и как выжить в этом бреду. Как вернуться обратно. Может быть, там сейчас Миша истекает кровью и умирает. Если закрыть глаза и прошептать молитву, может, получится вернуться? Может, я плохо молилась?

– Что ты там бормочешь, ведьма? Жаль, мне не отдали приказ отрезать тебе язык!

Они все бешеные маньяки. Здесь нет нормальных людей. Здесь – это где? Нет, я понимала, на что это все похоже, я все же смотрю телевизор, хожу в кино и читаю книги. Только не исторические и не фантастику. Я всегда читала триллеры и детективы.

– Я устала и больше не могу идти.

Сэр Чарльз (так его называли другие солдаты) резко обернулся ко мне.

– Заткнись! Тебе запрещено говорить! Разве ты не знаешь, что давала обет молчания? Или у вас в Блэре нарушают даже обеты?

– Что? Я… я не давала никакого обета. Послушайте, Чарльз.., – что с моим голосом? Почему он как-то странно звучит? Словно и не мне принадлежит? – я… я случайно здесь оказалась. Я не Элизабет Блэр… я не монашка. Я вообще не отсюда. Я все объясню и…

– Еще одно слово, и я вырву тебе язык щипцами до того, как это сделает палач! Заткнись, твааарь!

Откуда это все берется? Откуда сваливается на меня вся эта немыслимая ерунда, какой-то дичайший бред сумасшедшего или наркомана. Наверное, я в больнице. Меня накололи какими-то транквилизаторами, я все это вижу, так как я под препаратом. Значит, я вот-вот очнусь. Надо просто потерпеть. Просто

помолчать и перестать так трястись. Это все не на самом деле. Этого всего нет.

Едва мы ступили на мостовую, я зашлась глубоким вдохом. Потому что меня окружал самый настоящий средневековый город. Люди сновали по улице в старинной одежде, повсюду слышался гул и топот копыт, грохот колес и где-то крики петухов и блеяние овец. Но едва нас заметили, раздался первый вопль:

– Ведьма! Ведьму поймали настоящуюююю! Из Блэрааа! – завопил какой-то мальчишка, и нас постепенно начала окружать толпа.

Кажется, я когда-то смотрела такой фильм ужасов. Ведьма из Блэр. Он был мега популярным, и его сняли самой обычной любительской камерой. В нем подростки…. Боже! Как же мне страшно!

Надо думать о чем-то другом… Надо думать о дороге, об аварии и молиться. Отче наш, сущий на небесах, да святится имя твое… Первый ком грязи ударил меня в плечо. Второй попал мне в живот, третий – в лицо. Это ведь не происходит на самом деле. Не происходит. Но мне же больно!

Ощутила, как чья-то рука дернула меня вверх, и я оказалась в седле.

– Успокой толпу, Генри. Она не должна сдохнуть до суда!

Прикрыл меня плащом и пришпорил коня. Я поморщилась, от него воняло потом, грязью и просто немытым телом.

– Проклятая ведьма! На костер ее! Без суда! Дочку Антуана Блэра сжечь! Сжечь, как он убивал наших детей!

Вскоре голоса остались где-то позади, но я боялась открыть глаза и боялась даже пошевелиться. Пока меня не швырнули вниз так, что я упала на колени, и не подняли тут же на ноги за шкирку. Не успела ничего рассмотреть кроме железных дверей и каменных стен. Меня потащили двое стражников, прихватив под руки, куда-то вниз и затолкали в темницу. Швырнули на тюфяк и лязгнули замком. Я тут же бросилась к решетке и затрясла ее изо всех сил.

– Выпустите меня отсюда! Слышите? Я не Элизабет Блэр! Я Елизавета Шеремет! Лагутина в девичестве! Я не ведьма! Я врач! Я… господи…. кому я кричу?

– Не ори, всем плевать. Могут прийти и забить до полусмерти за то, что орешь.

Голос доносился откуда-то сбоку, и я метнулась по клетке, чтобы рассмотреть ту, что сидела со мной по соседству. Я увидела женщину в ободранной одежде с всклокоченными светлыми волосами. Она сидела на соломе, откинувшись на каменную стену.

– Вы… вы кто? Как выбраться отсюда? Где найти телефон? Это ведь какая-то интерактивная игра для психопатов, да? Типа Голодных игр или, не знаю… Здесь же есть камеры, да?

Она смотрела на меня, как на умалишенную.

– Бесноватая ты какая-то. И словечки дьявольские, не с нашего языка.

Так. С ней все ясно. Она из той же шайки-лейки. Она мне не поможет… или… или…

– Эй, а… кто такая Элизабет Блэр, и почему ее называют ведьмой?

Женщина даже подалась вперед, всматриваясь в мое лицо и склоняя голову то к одному плечу, то к другому. Словно пыталась разглядеть во мне нечто, скрытое под кожей.

– Ты – Элизабет Блэр. Ты что? Не помнишь себя? Не иначе как головой ударилась или свихнулась в своем монастыре Молчальниц.

– Каком монастыре?

– Монастыре, куда отдают всяких убогих, больных, бесноватых, юродивых, отвергнутых, одержимых дьяволом и нечистой силой и учат смирению, изгоняют дьявола и приближают к Богу. Молчать ты должна. Обет давала, что слова не произнесешь. Лишь поэтому живой осталась. В тебе живет голос зла.

– Ничего я и никому не давала. Я… – черт, с ней можно даже не разговаривать.

– В день совершеннолетия постриг принимаешь и голос отдаешь Всевышнему вместе с языком. Молчальницы немые.

– Почему они решили, что я зло? Почему отдали меня в монастырь? Что со мной не так?

– Так на тебе печать мрака. Никто с твоим цветом глаз не рождался веками. С тех пор как сожгли Клеменцию Блэр… у нее глаза были, как у тебя, светло-зеленые. Дьявольские глаза, звериные.

Я нервно рассмеялась. Нет. Этого не может быть на самом деле. Не может быть, чтобы… чтобы я слышала по-настоящему весь этот бред!

– Это и все? Просто цвет глаз? Только за это?

Женщина ухмыльнулась и прижалась лицом к решетке.

– Ты, и правда, притворяешься, что ничего не помнишь? Или это ведьминский трюк? Так от меня ничего уже не получить. Я уже даже не олла, я отработанный материал. Меня утопят в Эглане за прелюбодеяние.

Она снова расхохоталась уже истерически и сползла в свое сено.

– Присвоят себе моего мальчика, а меня… меня умертвят, и он никогда не узнает, кем была его мать.

Я не понимала, о чем она и кто такие эти оллы… или как она назвала это слово. Но ее отчаяние в эту минуту было таким сильным, что я ощутила его на физическом уровне.

– Может быть… будет ведь суд, да? Я слышала, они говорили о суде и о каком-то герцоге Ламберте. Может, тебя помилуют, может, он выслушает тебя и…

Она то ли зарыдала, то ли засмеялась снова. Я не видела больше ее лица.

– Кто помилует? Этот дьявол? Это исчадие ада? Да он скорее придумает способ принести как можно больше страданий, как можно больше увечий и душе, и телу. Он сама лють лютая. Нет зверя страшнее и твари более опасной и жестокой, чем… чем этот ублюдок!

Я, тяжело дыша, смотрела на нее, и вся моя надежда на предстоящий суд таяла так же, как и надежда, что я вот-вот очнусь от этого безумия.

– Кто такие оллы? – тихо спросила я, скорее, для того, чтобы просто что-то спросить. Потому что на меня наваливалась тяжесть всего происходящего, и я уже с ней не справлялась. Я чувствовала себя больной и… сумасшедшей.

– Никто… ничто… сосуды, вынашивающие семя богатеев. Хуже шлюх. Олла – просто вещь. Ее трахают, пока не обрюхатят, а потом уничтожают за ненадобностью после рождения ребенка.

Резко повернулась ко мне, цепляясь за прутья своей клетки.

– Все знатные женщины Адора бесплодны, они либо не вынашивают, либо рожают мертвых детей. Они думают, что об этом никто не знает… уничтожают каждого, кто пронюхал их тайну. Клеменция Блэр – твоя прапрабабка прокляла их до сотого колена!

Издалека послышался топот ног. Кто-то спускался по лестнице, и женщина тут же вскочила и вжалась в стену. Трое мужчин в черных плащах с капюшонами пришли в сопровождении двух стражников с копьями. Они вытащили несчастную из ее клетки. Она кричала и рыдала, умоляла их пощадить ее, просила отрезать ей язык, если не верят, что она будет молчать. Но ее никто не слушал, ее волокли по полу за волосы, как мешок, а я смотрела вслед и чувствовала подрагивание во всем теле и замерзание затылка, как и шевеление волос.

Этого не могло происходить на самом деле… но происходило.

***

Её монашеское одеяние навевало тоскливые мысли, при виде черного сукна с серыми вставками и белого воротника хотелось тотчас отвести от нее взгляд. Длинные каштановые волосы спрятаны под чепец, а тонкие пальцы перебирают четки. Размеренно и очень медленно, отщелкивая какой-то мотив.

Они ярко-красные и кровавым пятном выделяются на фоне черного платья. Ее называли ведьмой с рождения и говорили, что в ней течет кровь самого дьявола. Она родилась в самую темную ночь, когда луна прячется во мраке, а отряд Антуана Блэра захватывал земли Адора и сжигал мелкие деревеньки на границе с вражеским государством. Граф таскал свою жену за собой повсюду, любил ее дьявольской любовью. Никогда с ней не разлучался, но ушел в бой, а ее оставил под присмотром нескольких солдат. На сносях она уже почти была. А когда вернулся, не нашел… Выкрали ее адорские крестьяне, к столбу привязали и сжечь собрались. Избитую и окровавленную вынес ее из поверженной деревни Антуан. А наутро умерла графиня, родив ему дочь.

Всех мужчин Блэровские воины в том селении истребили, скотину угнали, женщин изнасиловали, а детей утопили в водах Эглана.

Когда Антуан увидел цвет глаз ребенка, то отступил от колыбели и велел за епископом послать. А мамки и девки крестным знамением себя осеняли и от колыбели шарахались, нашептывая молитвы. На этом напасти не закончились, едва епископ попытался прикоснуться к младенцу, как тотчас назад отпрыгнул. Словно какая-то сила оттолкнула его от ребенка, не позволяя дотронуться.

Сам епископ тогда испугался и вел длинную беседу с Антуаном о том, что пока не поздно надобно умертвить ребенка и сказать, что при родах померла малютка. В нее дух сожжённой Клеменции вселился. И дух этот изгнать надобно, не то поздно будет, и накличет она беду страшную на весь Блэр. Граф епископа не послушал, дочь людям показал, но все шептаться начали, что это дитя с ведьминскими глазами убило мать своим рождением и на них на всех тоже проклятия нашлет.

Антуан малышку окрестил Элизабет и отправил подальше от глаз людских и от сплетен в дальнее поместье в надежде, что со временем глаза свой цвет изменят, но чуда так и не случилось, со временем они становились все ярче, все зеленее, а люди злые, испуганные мятежи затевать начали, смуту разводить.

Граф подождал еще немного и отправил дочь от себя подальше в монастырь Молчальниц. Там она приняла бы постриг и навсегда отказалась от мирской жизни. Ей бы ничего не угрожало, и дожила бы до самой старости, а не была бы убита суеверными фанатиками. Он смотрел, спрятавшись за колоннами, как его малышке выжигают на ручке клеймо ведьмы, чтобы никогда в жизни она не могла покинуть стены монастыря.

Иначе быть ей узнанной людьми, как беглая монахиня Молчальница. Вот и все. Мирская жизнь малышки Элизабет была окончена, и он мог больше не волноваться о ее судьбе.

Так бы и было, если бы спустя пять лет в Блэр не пожаловал сам герцог Морган Ламберт и не предложил Антуану заключить перемирие. Объединить их народы, скрепить союз навсегда и заодно искоренить суеверия, будто Клеменция Блэр прокляла весь род Ламбертов.

Морган предлагал жениться на дочери Блэра. Но не ожидал, что ему откажут… Нет, не граф. Сам Антуан этого не ожидал. Он приехал тогда в монастырь на свидание к дочери.

– У тебя есть шанс выйти отсюда, есть шанс окончить кровавую бойню. Есть шанс начать жить, как нормальная женщина, родить детей.

Элизабет молчала, она смотрела отцу в глаза, и он не понимал, что означает этот взгляд. Ему вообще казалось, что дочь смотрит сквозь него.

– Выйдешь замуж за Моргана Ламберта, и война будет окончена.

Но она вскочила со стула, где сидела смирено сложив руки, и убежала в свою келью. Спустя время мать-настоятельница подала Антуану бумагу, в которой дочь наотрез отказывалась выйти за сэра Моргана Ламберта, сына убийцы ее матери и душегуба. Лучше отдать голос Всевышнему и навсегда остаться у него в услужении. Письмо Антуан передал в руки самому Моргану и даже испытал гордость за собственную дочь… а также и горечь понимания, что им против Адора никогда не выстоять.

Война началась почти в тот же день и продолжалась несколько долгих лет, пока Блэр не был окончательно повержен, а сам Антуан убит и растерзан на куски,

разбросанные врагами по степям и лесам, а голову графа еще долго таскали нанизанной на копье и показывали оглушенным и онемевшим от ужаса жителям Блэра, которые все же преклонили колени перед победителями. Войско Адора приближалось к монастырю, окружая его со всех сторон. Элизабет Блэр смотрела, как конница подъезжает к воротам, из окна своей кельи и перебирала в руках четки. Она молилась, чтобы смерть забрала ее раньше, чем они переступят порог обители.

А потом начался жуткий кошмар, потом начался ад, который она никогда в своей жизни не забудет. Солдаты ворвались в святую обитель. Они насиловали монахинь и жестоко убивали. Они поглумились даже над мертвыми телами и развесили их в монастырском дворе и на колоколах.

Только Элизабет не тронули. Ее вытянули из кельи и поволокли к клетке... а она смотрела расширенными от ужаса глазами на раскачивающиеся на ветру трупы монахинь и беззвучно кричала, широко открыв рот, под тихий и жуткий звон колоколов.

***

Я подскочила на соломе, судорожно хватая холодный воздух пересохшими губами. О Боже! Это всего лишь сон. Этот кошмар всего лишь привиделся мне, и на самом деле я здесь в темнице… Я никакая не Элизабет. Я все еще Лиза. И тут же усмехнулась сама себе. Кошмар в кошмаре. И неизвестно, что страшнее. Нашла, чему радоваться.

По лестнице опять кто-то спускался. И, скорее всего, это пришли за мной. Я вскочила на ноги и прижалась к стене, всматриваясь в полумрак и приближающиеся блики факелов, кругами расходящиеся по каменному полу.

Вниз спускалась стража вместе с сэром Чарльзом. Почему-то именно его появление меня совершенно не обрадовало. Он мне напоминал инквизитора при исполнении.

– Элизабет Блэр, именем Адора и герцога Ламберта, вы должны прибыть в здание суда и выслушать обвинения, а затем и вынесенный вам приговор.

– Какой еще приговор? Уже? Или суд – это так, для видимости? Зачем тогда суд, если приговор уже вынесен?

Меня никто не слушал. Свои слова он произнес, как какую-то формальность, а потом меня схватили под руки и выволокли из темницы. Я упиралась, пыталась сопротивляться, но это было совершенно напрасно. Их сила превышала мою в десятки раз. Я была слаба, голодна и обессилена всеми кошмарами, что произошли со мной.

– Пожалуйста. Давайте договоримся. Вы мне просто дадите позвонить. Я… я просто позвоню, за мной кто-нибудь приедет, и я забуду про эту игру и про вас. Честно. Клянусь. Прошу вас… пожалуйста.

Они тащили меня вначале по лестнице, потом по длинным коридорам с висящими на каменных стенах факелами. Я сбила ноги, подвернула лодыжку и еле волочилась, но это никого не волновало. Когда после темного коридора я очутилась в просторной зале, залитой ярким светом, мне пришлось даже зажмуриться и тряхнуть головой.

– Ведьма боится света! Это явное доказательство! Смотрите, она жмурится!

– Конечно, жмурюсь! Мне больно! Я в темноте просидела несколько часов! Это обычная физиология и реакция зрачка на свет!

Меня тут же ударили чем-то по ногам, и я упала на колени, охнув от неожиданности.

– Кто позволял ей говорить? Почему у ведьмы до сих пор есть язык? Заткните ей рот!

Я даже не поняла, кто схватил меня за волосы и запихнул мне в рот кляп. Я вертела головой, но выплюнуть его так и не могла. Осмотрелась по сторонам, привыкая к свету. Вокруг меня женщины и мужчины в костюмах и ярких платьях, они сидят в ложах и смотрят на меня, как зрители в театре. Зала и напоминает

чем-то даже не театр, а цирк. Я стою на своеобразной арене, внизу столы. За которыми сидят мужчины в белых напудренных париках. У них почти у всех одинаковые жирные морды, словно их откармливали с одного корыта.

Абсурд. Это какое-то издевательство, я должна проснуться прямо сейчас. Я должна открыть глаза и оказаться на трассе в разбитой машине… и на какое-то мгновение снова забыла про всех, сердце зашлось от ужаса – Миша, наверное, тяжело ранен. А вдруг он… НЕТ! Я даже думать об этом не стану.

– Дорогу герцогу Ламберту! Дорогу герцогу Ламберту!

Раздались голоса позади меня.

– Вы что – собрались судить эту ведьму без меня? А как же все лавры победителю?

От звука этого голоса у меня внутри все замерло, а потом дернулось с такой силой, что я словно рухнула в пропасть и медленно повернула голову. Очень медленно, так, словно вижу себя со стороны в замедленной видеосъемке.

И голоса становятся все тише и тише, отходят на второй план, остаются фоном, а я слышу свое собственное дыхание. Оно отрывистое и очень тяжелое. Я медленно моргаю и хмурю брови, снова моргаю. Наверное, я бы заорала, но у меня во рту кляп… и я так сильно дрожу от напряжения, что кажется, сейчас все мои нервные окончания лопнут.

Потому что ко мне идет… ко мне идет мой муж. Его начищенные до блеска высокие сапоги отчеканивают каждый шаг, бряцая шпорами, штаны заправлены в голенища, и на боку позвякивает меч. На нем длинный черный плащ и такой же черный камзол. А волосы развеваются в такт каждому шагу и падают на глаза. Дымчато-серые, как ураган или торнадо, под черными ровными бровями… Я не могу ошибаться. Это ведь он. Его нос с горбинкой на переносице, его выпирающие скулы, его щетина, его большие и чувственные губы и… этот взгляд. Замычала, пытаясь встать, но меня насильно удержали стоящей на коленях, а…а когда Михаил проходил мимо, схватили за затылок и ткнули лбом в пол, заставляя поклониться. Я увидела, как мимо моего лица прошли черные сапоги, и даже увидела собственное отражение в шпорах. Он просто не увидел меня. Там же герцог пожаловал. Вот и не заметил… наверное, он так же попал

сюда, как и я. Он узнает меня, и все будет хорошо.

– Герцог Ламберт почтил здание суда Начдар своим присутствием. Наш Повелитель и Владыка. Победоносец, который разгромил проклятый Блэр и положил конец войне! Да здравствует Морган Ламберт!

Раздались крики и вопли, а я приподняла голову, жадно пожирая взглядом Михаила, пока все тело не начало холодеть от понимания, что герцог Ламберт и… и мой муж – это один и тот же человек. И это он отдал приказ казнить Элизабет Блэр. То есть МЕНЯ!

Глава 5

Я не могла сказать в свое оправдание ни единого слова. Все, что они говорили, слышалось мне бредом, и даже если бы у меня во рту не было кляпа, я бы все равно не смогла произнести ни слова… Да и я их не слушала. Я смотрела на НЕГО. Наверное, если бы сейчас с неба посыпались метеориты и оно упало на землю, я была бы менее ошарашена, чем этим жутким открытием.

Люди не могут быть настолько похожи. Словно это близнецы, но даже у близнецов есть отличия… Они были и здесь, но, скорее, продиктованные окружающим антуражем. Его одежда, длина волос… И все. В остальном это был один и тот же человек. Я жадно смотрела на него, на то, как взошел по ступеням на свое место – кресло, украшенное мехом и головой белого медведя. Только сейчас я заметила, что следом за ним шли три пса. Внешне похожие на доберманов. Черные, с лоснящейся блестящей шерстью, в шипованных ошейниках и взглядом серийных убийц. Люди шарахались от них в стороны, но те не обращали ни на кого внимание, величественно шли следом за хозяином, и едва он уселся на свое место, улеглись у его ног. Капюшон, под которым скрыли мои волосы и лицо, мешал мне смотреть, и я попыталась скинуть его, но меня толкнули в затылок, не давая поднять головы.

Поза герцога или Михаила (я даже не знала, что меня ужаснет больше всего из этих двух вариантов) была вальяжной и небрежной. Вытянув вперед ноги, он

осмотрел залу, как осматривают собственные владения и овец в стойле. Овец, которые преданно повернули к нему головы и готовы были блеять его имя снова и снова.

Я узнавала его и в тоже время не узнавала. Или забыла, насколько красив мой муж, или из-за разлуки и расставания его красота жжет мне глаза. Было нечто иное в его жестах, облике, манере говорить. Или… или это тоже часть какой-то чудовищной и непонятной мне игры. Может, он попал сюда раньше, чем я, и приспособился. Он ведь всегда был очень умным, просчитывал все шаги наперед. Но как… как можно настолько приспособиться, чтобы буквально слиться со всей этой толпой и даже… даже возглавить ее. Сейчас на этом своем троне он казался мне еще более чужим, чем при нашем последнем разговоре. Насколько чужой, настолько и красивый, величественный, высокомерный. И ему шли все эти средневековые тряпки, сапоги, длинноватые волосы, кольца на пальцах и…. И внутри вдруг все похолодело. Да, можно придумать себе кучу оправданий, кучу причин, множество отговорок… Но эти кольца и псы. Кольца, которые блестят на длинных пальцах и идеально сидят на них, и псы, преданно лежащие у его ног. Значит, все не так просто. И к такому розыгрышу надо было готовиться годами.

Меня оттащили в сторону к стене, расчищая место для какого-то несчастного, которого тащила стража и швырнула в ноги герцогу.

– Стюарт Кэйн. Вторая рука Антуана Блэра. Обвиняется в преступлениях против народа Адора, в убийстве женщин и детей, в сожжении деревень и покушении на жизнь нашего великого герцога Ламберта!

Лицо мужчины, стоящего на коленях, больше напоминало месиво, и взгляд заплывших глаз выражал крайнюю степень ненависти и презрения.

– Вы признаете свою вину, сэр Сюарт Кэйн?

– Да! Признаю! Резал и резал бы своих врагов снова и снова. За мать, за сестру, за брата! За Антуана и за мою госпожу Элизабет!

Он говорил обо мне… точнее, о той, кем я сейчас была.

– Среди присутствующих здесь обвиняемых есть Элизабет Блэр, сэр Кэйн?

Мужчина обернулся ко мне и кивнул. А я впервые его видела и… даже не знала, кто он такой.

– Да!

– Так ради чего вы убивали мирных граждан Адора? Ради вашей госпожи-ведьмы? Или ради ее отца душегуба?

Голос Ламберта заставил снова вздрогнуть и дернуться всем телом. Я повернула голову к своему мужу… или к этому человеку, который непостижимым образом украл его лицо, голос и все, что являлось им.

– Госпожа Элизабет такая же ведьма, как ваша мать! А сэр Антуан – самый благородный человек в мире! И Бог покарает вас за его смерть!

Один из стражников ударил мужчину по ребрам, и тот закашлялся, согнувшись пополам.

К Стюарту вышел один из людей в парике. Видимо, прокурор, усмехнулась я и тщетно поискала адвоката. Его, конечно же, здесь не оказалось, как и журналистов и… никто здесь точно не слыхал о Женевской конвенции.

– Если ваша госпожа не ведьма, тогда почему Антуан Блэр поместил ее в монастырь Молчальниц? Почему ей было запрещено разговаривать, и она должна была принять постриг, лишающий ее права голоса?

– Потому что люди – суеверные фанатики и …

Человек в парике расхохотался.

– Конечно, все фанатики, и только вы знаете, что на самом деле Элизабет Блэр чиста и невинна.

– Чиста и невинна, как ангел! Вы недостойны даже ногтя на ее мизинце. Если она ведьма, то почему ваш дорогой герцог хотел соединить себя с ней узами

бра…

– Довольно! – Ламберт поднял руку вверх, и Стюарта ударили по затылку. – Нам не интересны откровения еретика и пособника Блэра. Все его слова – ересь и ложь, а за ложь в Адоре отрезают язык.

Я еще ничего не поняла, я еще даже не успела испугаться или ужаснуться. Я понятия не имела, что они это сделают здесь. В этой зале при людях, при женщинах… при мне. В залу вошел мужчина в колпаке, закрывающем лицо, с прорезями для глаз и рта, в длинном фартуке со свертком в руках. Стража потащила Стюарта к помосту у стены неподалеку от меня, толкнули его туда, схватили за волосы и… я не смогла смотреть, я зажмурилась. Я мычала и трясла головой. Я ждала – в какую секунду кто-то все это остановит и пранк остановят. Все ведь должно исчезнуть прямо сейчас.

Я даже представила себе, как палач срывает маску и кричит несчастному Стюарту: «Улыбнитесь, вас снимают!»… Но вместо этого я услышала дикий вопль и какое-то маниакальное скандирование толпы. Меня затошнило от понимания, что все происходит на самом деле… я видела, как тащили за ноги Кэйна, как он оставлял за собой кровавый след на каменном полу, и за ним его подтирали тряпками слуги, а палач вытирал клещи о свой фартук после того, как швырнул что-то к ногам Ламберта, и псы жадно набросились на ЭТО и сожрали. Я не хотела думать, что это… не хотела даже представлять себе. Я тряслась всем телом, покрытая холодным потом, заледеневшая от ужаса.

– Стюарт Кэйн, как и остальные пособники, будет казнен на городской площади завтра рано утром. Он лишится головы и поплатится за гибель сотен адоровцев.

– Приведите второго свидетеля.

В залу втащили женщину в рясе с растрепанными волосами. Она испуганно озиралась по сторонам, а когда увидела меня, тут же указала пальцем:

– Это все она! Она приказывала воровать младенцев из деревень и приносить ей! Чтобы их кровь делала ее сильнее! Онааа! Ее отец исполнял все ее прихоти!

Что она несет? Я впервые вижу эту идиотку! Кто ее сюда привел? Какие младенцы? Господи, когда закончится весь этот кошмар?

– Представьтесь. Назовите суду ваше имя и кем вы приходились Элизабет Блэр?

– Я сестра Марта. Послушница монастыря. Никем не приходилась. Я ее боялась. Всегда боялась. Как огня.

«– Марта, милая, как же я люблю тебя, как родную.

– И я люблю вас, моя госпожа. Я с вами до самого конца и приму постриг, как и вы.

Лицо этой же женщины под головным убором, и карие глаза полные любви и преданности?

– У меня никого не осталось ближе, чем ты, Марта… все меня предали….»

Я тряхнула головой, не понимая откуда эти голоса, откуда эти картинки перед глазами, но от ужаса у меня волосы зашевелились на затылке.

– А по ночам… по ночам она отдавалась самому Дьяволу. Из ее кельи доносились стоны и крики. Она развратница. Она заклейменная самим Люцифером!

Толпа взвыла, застонала ненавистью, зашумела яростью, как шумит океан перед тем, как чудовищная волна взметнется в небо.

– Ведьма! Грязная тварь! Шлюха дьявола! Казнить! Сжечь суку! Она сжирала наших детей!

Я мычала и отрицательно качала головой. Сумасшедшую допрашивали и дальше, а я обессиленно осматривала толпу, и каждый раз мой взгляд возвращался к НЕМУ. Но он не смотрел на меня. Он со скучающим видом барабанил пальцами в перстнях по поручню своего трона, а другой рукой поглаживал одного из псов между ушами. Позади него сидели несколько женщин, и одна из них, золотистая блондинка, склонилась к его уху и что-то ему говорила. Иногда он ухмылялся на ее слова и что-то отвечал, и щеки миниатюрной блондинки вспыхивали алыми пятнами. Пока не сделал жест рукой, и она не замерла. Мне хотелось распутать веревки и броситься к нему, вцепиться в ворот его черной рубашки и трясти его, трясти и кричать, что это я.

Чтоб посмотрел на меня. Чтоб объяснил, что за кошмар здесь происходит? И где мы оба находимся. Объяснил, что у него просто нет другого выхода.

– В виду смягчающих обстоятельств сестру Марту приговорить к десяти плетям, лишению языка, она ведь должна была принять постриг, и к вечному заточению в башню Свон.

– Нееет! – завопила женщина. – Неет! Только не в башню. Меня обещали помиловать! Ваше сиятельство, сжальтесь! Я ведь все рассказала! Я ведь покаялась!

Михаил махнул рукой, словно показывал убрать надоедливую муху, и когда женщину увели, он снова повернулся к своей собеседнице и что-то ей сказал, заставив ее опустить веки и улыбнуться. Когда меня подхватили под руки и подтащили поближе к трону, швырнули на колени на то место, где стоял несчастный Стюарт, я, широко раскрыв глаза, смотрела только на… Ламберта. И не могла поверить, что это Михаил. Не могла и не хотела. Это уже не просто кошмар, это какая-то лютая иная реальность. Я больше не могу….

– Элизабет Блэр, – передо мной появился «прокурор», он скрестил руки за спиной, – в виду обвинений, тяжких обвинения в колдовстве вам не дается право голоса. Так как и он может являться орудием, которое вы используете против церкви и человечества. Но вы можете кивать или качать отрицательно головой, отвечая на мои вопросы. Вы понимаете, что я говорю?

Я кивнула.

– Вот и хорошо. Правда ли, что вы своим колдовством помогали вашему отцу осуществлять свои гнусные преступления и убивать невинных адоровцев?

Я отрицательно задергала головой. Капюшон слегка спал, но мне его снова натянули на лоб.

– То есть вы не прибегали к заклинаниям, и монахини не носили вам кровь адоровских младенцев, чтобы укрепить вашу силу?

Я замычала отрицательно, качая головой и чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– А обвинения в колдовстве? Вы ведьма?

Снова качаю головой, как истеричка, чувствуя, как хочется заорать, выплюнуть проклятый кляп изо рта и заорать его имя. Заорать хоть что-то, чтобы посмотрел на меня, чтобы подал хоть какой-то знак и успокоил. Если…если я поверю, что это не он, то я, наверное, просто умру от отчаяния или сойду с ума.

«Прокурор» кивнул стражникам, и прежде чем я поняла, что они собираются сделать, один из них разодрал на мне платье. Вспорол кинжалом на левой руке, и оно обвисло лохмотьями на поясе. Я тут же инстинктивно закрыла грудь, прикрытую лишь тонкой белой сорочкой, руками. Неловко дернулась, и капюшон таки спал назад. Волосы водопадом рассыпались по спине и упали мне на лицо.

Зал дернулся, зароптал, и я увидела, как в меня впились сотни мужских глаз с каким-то алчным, бешеным блеском. Какая-то дикая волна похоти, от которой затрещал сам воздух и раскалился до предела.

– Вашу ж мать! Святые угодники! – раздался мужской стон.

– Такой красотой обладают только ведьмы! – чей-то хриплый голос.

– Отрежьте ей патлы! Сожгите их!

Заорала одна из женщин и другие ее подхватили.

– Ведьма! Такая белая кожа может быть только у мерзкой колдуньи! Она приворожит наших мужчин! Она сожрет наших детей!

А я посмотрела на Ламберта, который подался вперед, впившись одной рукой в поручень кресла. Теперь он уже смотрел на меня, и его темно-серые глаза казалось прожигали насквозь. Казалось, кожа задымится от этого взгляда, от этого безумного блеска, по которому я так соскучилась. Стражник схватил меня за левую руку и поднял ее насильно вверх.

– Клеймо ведьмы! Черная змея с жалом! – завопил «прокурор».

Ламберт-Михаил царапнул глазами мое лицо и опустил взгляд к груди, прикрытой тоненькой материей сорочки, прилипшей к воспаленной коже, и снова поднял глаза к моему лицу. Тяжелый взгляд, знакомый мне далеко не один год. Взгляд исподлобья, взгляд весом в несколько тон… Взгляд, от которого становится трудно дышать.

– Вы так же отрицаете, что эммм… хммм… совокуплялись с самим Сатаной?

Я не верю, что слышу это! Нееет! Нет же! Если только мой бывший муж не есть сам Сатана! Потому что за всю мою жизнь я совокуплялась только с ним.

Ламберт совершенно неожиданно резко повернулся и посмотрел на «прокурора».

– Пусть ее проверят прямо сейчас! Пусть удостоверятся в том, что эта грязная женщина лжет и суд честный в своих обвинениях.

Голос герцога заставил всех замолчать, и стихли даже ропот стражников у выхода из залы и голоса людей снаружи.

– Пусть ее осмотрит лекарь и вынесет свой вердикт. Если графиня Блэр не девственница, ее казнят сегодня же, но вначале отдадут на потеху солдатам.

О Боги! Какая девственность? Я была замужем… Мою девственность он и забрал несколько лет назад. Я хотела было кинуться к трону, но меня удержали, а мой взгляд скрестился с дымчатыми глазами моего мужа. Я увидела, как изогнулся в ухмылке красивый и безумно чувственный рот, но эта ухмылка не коснулась его глаз.

Глава 6

В этом не было ничего похожего на посещение женской консультации и частного гинеколога. Хотя и там не испытываешь никаких положительных эмоций, а я так не испытывала их вдвойне. Так как знала предварительный приговор врачей, и надежда на чудо смелости мне не прибавляла.

Но то, что должно было произойти сейчас, привело меня в состояние истерического шока. Тот, кого они назвали лекарем, больше походил на…на какого-то Джека Потрошителя в нахлобученной на лоб высокой шляпе, длинном плаще до колен и сапогах с золотыми пряжками. Он нес с собой саквояж, и его лицо было скрыто в тени полей его шляпы. Но меня ужасал не столько его вид, сколько этот самый саквояж и понимание, что здесь нет в сторонке раковины с мылом и нет даже влажных салфеток и… он собирается это сделать здесь? В зале, переполненной людьми?

Я взвыла и начала брыкаться, вертеть головой в судорожных попытках выплюнуть кляп, освободиться от сжимающих меня рук стражей. Я им не дамся. Они не смогут со мной ничего сделать. Это антисанитария, это…это невозможно. Только не здесь, не при всех. На меня не обращали внимание, и мои стражники держали меня настолько цепко, что я не могла даже шелохнуться.

Трое других копейщиков вытащили к стене стол. Я продолжала мычать, брыкаться и сильно мотать головой.

– Боится тварь! Боится, что сейчас станет ясно, какая она развратная шлюха! Любовница дьявола! Потаскуха самого Сатаны!

Неужели он позволит? Неужели это произойдет на самом деле сейчас?

– Вынесите в залу ширму, побережем религиозные чувства присутствующих здесь леди и джентльменов, – послышался так хорошо знакомый мне голос, от которого внутри все задрожало.

Меня силком затащили на стол, распяли и привязали руки к ножкам стола, содрали из-под подола панталоны и швырнули их куда под стену. Пока пытались развести в стороны ноги, я все же умудрилась ударить одного в челюсть, а другого в нос. Но им удалось связать мне и ноги. Распластать на столе, как пригвожденную к доске бабочку. Из-за ширины столешницы я не могла свести вместе колени. Тяжело со свистом выдыхая воздух, я смотрела, как Потрошитель

открывает свой саквояж и вытаскивает оттуда какие-то жуткие предметы. От понимания, что я совершенно не знаю, в ком они еще побывали и, о Боже, каких, и правда, потаскух он осматривал до этого момента, меня затошнило. Но он хотя бы вымыл в тазу руки и вытер их полотенцем.

Вблизи Потрошитель оказался пожилым мужчиной с отрешенным, чисто выбритым лицом, тяжелым квадратным подбородком и мясистым носом. Он действительно был похож на доктора. Точнее, он напоминал мне одного из наших светил – главврача Алексея Ивановича Парфенова, который принял нас в клинике и гнобил интернов, как мог, вплоть до откровенной дедовщины. Я помнила это выражение лица «я все знаю, а вы идиоты» и вот этот устрашающий вид, будто не моргая расчленят вас и не испытают при этом ни малейших эмоций. Но спустя несколько лет мы фанатично на него молились и мечтали, что когда-нибудь станем похожими на него… И чем дольше я смотрела на лицо Потрошителя, тем сильнее мне казалось это сходство. Как будто Парфенов так же, как и герцог-Михаил, как и я, оказался здесь. От этого узнавания я снова захотела заорать и дернулась всем телом, замычала, широко распахнув глаза. Пусть посмотрит мне в лицо. Пусть меня узнает! Я ведь была его ненавистной ученицей, он клялся, что я не продержусь и недели. Они что, позвали играть в эту игру всех, кого я знала?

Когда-то, когда я впервые захотела стать врачом, мама сказала мне, что практику надо проходить в морге, и мое желание тут же превратилось в дикий ужас. Но когда умер отец, я этот ужас подавила и заставила себя идти в медицину. Я хотела изучить его болезнь, хотела помогать людям. Я искренне верила, что смогу это сделать, и даже морг не мог меня испугать.

Но, глядя тогда на Парфенова, я поняла, что в морге он, скорее всего, родился, и это было самое любимое место в его жизни. Мне надо было сейчас о чем-то думать. Пусть даже о такой ерунде, об откровенной чепухе, о своем поступлении и о том, как окончила учебу. О чем-то, только не об этом жутком месте, не о том, что здесь происходит… иначе я бы сошла с ума. Особенно когда он взял в руки какой-то железный предмет и задрал на мне рубашку до самых бедер. Стоп! А ведь Парфёнов никогда не говорил, что учился на гинеколога! Он был светилом терапии и никакого отношения к акушерству не имел. Или… у меня все в голове смешалось, и мой мозг выдает мне сюрреалистические кошмары?

Сжалась, напряглась всем телом до состояния застывшего камня. Но… ничего пока не произошло. Я приоткрыла один глаз и увидела, как он протирает свой

инструмент каким-то раствором. Но легче мне от этого не стало. Приблизился ко мне, и я вся инстинктивно сжалась еще больше, если это было возможно.

– Расслабьтесь, миледи, иначе я причиню вам боль. Моя цель не в этом, и я не палач. Дайте мне выполнить мою работу, и все закончится очень быстро.

Его голос, также похожий на голос Парфенова, немного утихомирил панику во мне, понизил градус кипящего адреналина и пульсирующей в ушах паники. Он ощупал мою грудь, мой живот. Не как мужчина, а очень беспристрастно. Я сдавила кляп зубами и зажмурилась, когда меня коснулось что-то холодное.

– Максимум расслабления. Медленно выдохните и расслабьте все мышцы.

Я приготовилась к дикой боли, приготовилась к чему-то ужасно невыносимому… и еще я знала, что он там увидит. Если это все не фарс и не игра, то сейчас все в этой зале вынесут мне смертный приговор, и моя казнь будет ужасной и лютой. Потому что я уже давно не девственница. Он это увидит, скажет во всеуслышание, и меня объявят вне закона. Лекарь одернул подол моей рубашки и отошел в сторону. Он снова протер свои инструменты и с бесстрастным видом сложил их обратно в саквояж. По выражению его лица я не могла понять ровным счетом ничего. Тяжело дыша, я сжимала и разжимала кулаки. Нервное напряжение достигло своего апогея, и меня трясло, как в лихорадке. И за ширмой стихли голоса. Доносился какой-то шепот, но все ждали лекаря и его приговора. Никогда в жизни мне еще не было так страшно, и никогда я не ощущала такой ужасающей обреченности. Шаги Потрошителя разносились по зале с такой четкостью, что каждый из них отдавался гулом в моей воспаленной голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/poka-smert-ne-obruchit-nas

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити